

Н.А. Мишанкина, О.А. Черныш

ЛЕКСИКА ДЕЛОВОГО ПРОТОКОЛА В ДИСКУРСИВНОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ 1918–1933 гг.)

Исследуется лексика делового протокола 1918–1933 гг. из Госархива Томской области. Цель работы – выявить через анализ количественных параметров лексической организации протокола аспекты отражения исторических событий, происшедших в Томске. Исследование выполнено в русле дискурсивного подхода, основной метод – контент-анализ. В результате проведенного исследования определены дискурсивные параметры протокола: собственно документные, включая фактографические, историко-культурные.

Ключевые слова: документный дискурс; протокол; лексическая организация дискурса; дискурсивные параметры, контент-анализ; историко-культурный контекст.

История вопроса и постановка проблемы исследования

Русский деловой документ имеет давнюю историю. Возникнув одновременно с русской государственностью, он успешно функционирует, обслуживая самые разнообразные формы официальной коммуникации – от межличностной до массовой. Несмотря на ключевую роль в обеспечении государственных и деловых социальных процессов, несмотря на значительные массивы и разнообразные типы текстов документов, эта область речевой деятельности привлекает внимание лингвистов только во второй половине XX в.

Емко и выразительно эту ситуацию обозначила Е.Б. Богатова в названии своей работы: «Документный дискурс – “нелюбимый ребенок” русской лингвистики», отметив, что, несмотря на свой социокультурный потенциал, деловой документ крайне редко выступает объектом исследования в силу ряда причин, одна из которых состоит в том, что «дискурсивные характеристики документов предопределяют особый подход и специфические исследовательские задачи, но требуемый теоретико-методологический инструментарий не сформирован» [1. С. 43]. Действительно, в настоящее время только намечаются подходы к исследованию документного текста в дискурсивном аспекте, способном раскрыть его информационное богатство.

Обращение к истории изучения документа позволяет говорить о нескольких направлениях исследования документного текста. Безусловно, интерес к этой предметной области традиционно проявляли представители исторической науки, и документный текст в качестве историографического источника уже давно выступает в качестве объекта исследования историков. Но стоит обратить внимание на то, что сформированный на текущий момент огромный корпус текстов русской документации отражает все события, происходившие в русской истории: политические, социальные, культурные, не только в содержании, но в своей языковой структуре.

Именно к этому формальному аспекту обращено наиболее ранее направление его изучения – документоведческое, рассматривающее данный тип текста прежде всего с позиции его функциональной органи-

зации как части целостной коммуникативной системы, обеспечивающей процессы государственного и делового регулирования (М.П. Илюшенко, Н.С. Ларьков, Е.А. Плешкевич, Г.Н. Швецова-Водка и др.). В рамках этого направления осуществлено описание типов документов, их основные функции (информационная, коммуникативная, кумулятивная) [2. С. 15]. Близко к вышеописанному методологическое направление, сформировавшееся в ответ на проблему изучения лингвистической специфики документа и активно в настоящее время развивающееся – документная лингвистика (Е.Б. Богатова, Г.А. Дюженко, М.В. Косова, С.П. Кушнерук и др.). Система текстов этого типа выступает традиционным объектом изучения для функциональной стилистики, в рамках которой было осуществлено описание их специфики как целостной системы – официально-делового стиля (Т.М. Веселовская, И.С. Вольская, Т.В. Губаева, Е.М. Иссерлин, М.Н. Кожина, Л.Г. Кыркунова, И.Р. Подзолкова, О.П. Сологуб и др.).

В работах исследователей названных направлений основное внимание обращено на структурные, композиционные, собственно стилистические особенности, проведено номенклатурное описание современной документации, осуществлена функциональная классификация текстов, выявлены общие параметры языкового оформления. На настоящем этапе исследований описаны базовые свойства документного текста [3], к таковым могут быть отнесены: 1) высокий уровень унифицированности, в том числе стабильность композиционных структур текстов и ограничение состава языковых средств; 2) актуальность и адресность содержания, реализующаяся в последовательной фактографичности; 3) информационная точность и нейтральность, обеспечивающая выполнение базовой функции данного типа текстов – «информационную функцию регулятивного и ориентирующего действия в институциональной официальной коммуникации» [1. С. 42].

Вместе с тем в работах исследователей названных направлений отмечаются тенденции, наблюдаемые в данной текстовой сфере, но идущие вразрез с описанными свойствами. В частности, исследуя коммуникативно-прагматические и языковые особенности заявления начала XX в., Т.П. Рогожникова отмечает: «В связи с социально-историческими, культурными и

языковыми изменениями исторически развиваются языковые, жанрово-стилистические и прагматические способы и средства выражения ситуации, в частности коммуникативных целей, адресанта и адресата» [4. С. 11]. Е.Б. Богатова пишет в этой связи о целом ряде проблем, препятствующих полноценному исследованию сферы документного текста, наиболее актуальными можно назвать онтологическую неопределенность документа как текста, его невключенность в целостную концепцию теории текстов, а также необходимость формирования особого методологического инструментария [1. С. 43].

Эта ситуация, свидетельствующая об определенной стагнации в области лингвистического изучения документа при констатации факта изменений документной «реальности», а также формирование новых методологических подходов послужили толчком к появлению в последние десятилетия новых исследовательских проектов, реализующих анализ в рамках дискурсивного и когнитивного направлений. Начато исследование коммуникативно-прагматической структуры документа, и в фокус исследовательского внимания попадает текст документа как особый вид коммуникативного акта, параметры адресата и адресанта, прагматические смыслы (А.С. Давыдова, Е.З. Киреева, А.А. Моисеенко, Н.В. Орлова, Т.В. Чернышова, Т.А. Ширяева).

Взгляд на документ как на процесс и результат коммуникативных взаимодействий, как на дискурсивную формацию обуславливает подход, заданный еще представителями французской школы анализа дискурса [5] и реализуемый в исследованиях последних лет (С.В. Ахметова, Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц, Н.А. Мишанкина, Ж.А. Рожнева, Н.В. Орлова, Т.П. Рогожникова, М.В. Ромашко, А.О. Стеблецова). Дискурсивный анализ позволяет по-новому отразить отражение в документных массивах социальных, культурных, исторических процессов, актуализирует их потенциал в аспекте изучения дискурсивных картин мира. В частности, в работах Н.В. Орловой [6–8] представлен взгляд на структуру и речевую ткань документа с точки зрения коммуникативных процессов, протекающих в определенной области официальных взаимодействий (например, в области образования). Автор на основе анализа тестов официально-деловых документов (приказов), относящихся к различным эпохам (70–80-е гг. XX в. и 2010–2012 гг.) констатирует изменение речевой организации как показатель смены мировоззренческих установок, свидетельствующих о трансформации дискурсивной картины мира. Исследование Н.В. Орловой убедительно доказывает, что дискурсивные факторы вызывают серьезные изменения официально-деловой коммуникации.

В этой связи особый интерес представляет исследование документного дискурса в историческом аспекте. В работе Н.А. Мишанкиной и Ж.А. Рожневой представлены результаты анализа текстов судебных приговоров 1920-х гг., авторы выявляют особенности картины мира, отраженной в этих документах и проявленной прежде всего в системе аргументации: 1) наличие своеобразной социальной модальности документа, свидетельствующей о смене логики дока-

зывания, когда решение обосновывалось не буквой закона, а социальными мотивациями; 2) мифологизация процессов установления новой власти, выражающаяся в именовании новых учреждений и регламентирующих процедур с заглавной буквы [9]. Объектом исследования О.А. Горбань выступила категория субъекта текста в документах различных жанров (рапорты, доношения, прошения, расписки, войсковые грамоты, приговоры станичного сбора, свидетельские показания и др.) фонда «Михайловский станичный атаман», хранящегося в Государственном архиве Волгоградской области, относящиеся к середине XVIII в. Результатом их изучения стал вывод о том, что «сравнение с современными документами позволяет судить о более высокой степени участия субъекта в описываемых действиях, о большей значимости социальной иерархии при выборе средств и способов репрезентации субъекта в документах XVIII в.» [10. С. 359].

Наиболее близкой области наших интересов представляется статья Л.П. Батыревой, посвященная языковой специфике протокола собрания 1929 г. граждан с. Студенцы: автор устанавливает, что язык документа неоднороден, он представляет собой смешение стилистических пластов, «смешение старого и нового, привычного, своего и чужого, чуждого», что отражает в первую очередь социальные процессы [11. С. 55]. Эту проницаемость, уязвимость официально-делового стиля в периоды социальных катаклизмов, его зависимость от общественного и политического строя отмечает В.К. Харченко в более ранней работе [12. С. 131]. Интересные с этой точки зрения наблюдения представлены в работе Т.П. Рогожниковой, посвященной изучению языковых особенностей «Отчетов общества попечения о начальном образовании в г. ОмскЪ» за 1890–1900 гг. из фондов историко-краеведческого музея г. Омска, где отмечается очевидное несоответствие исследуемых текстов параметрам формализации документов подобного типа, объясняемое «умонастроением этого времени» [13. С. 362].

Таким образом, изученные источники позволяют констатировать, что документный дискурс представляет собой одну из значимых областей социальной коммуникации, получающую последовательное отражение в документных текстах различного рода. При этом документный текст в дискурсивном аспекте только начинает изучаться. Более того, некоторые виды документов еще практически не попадали в фокус исследовательских интересов. Например, практически отсутствуют работы, посвященные такому виду регламентирующих документов как стандарт, единичны работы, в которых рассматривается протокол – один из интереснейших документов, выполняющих функцию фиксации хода реальных социальных событий и документального их подтверждения. Обращение к исследованию текста делового протокола в дискурсивном аспекте представлено в работе [14], но приходится констатировать, что исследования, посвященные этой проблематике, единичны.

Полагаем, что изложенное выше убедительно показывает необходимость изучения документного дис-

курса как целостной формации, отражающей самые различные трансформации социальной реальности. В связи с исследованием параметров трансформации текста документа особый интерес представляют исторически переломные периоды. К таковым могут быть отнесены послереволюционные годы. Первая треть XX в. в России является эпохой глобальных изменений в жизни общества, так как за относительно краткий промежуток времени происходит большое количество исторически важных событий: революции, Первая мировая и Гражданская войны, новая экономическая политика, коллективизация и индустриализация.

Все эти события коренным образом изменили существующий порядок вещей и сформировали новое общество. Именно задачи его построения определили темпы общественной жизни, необычайно быстрые, энергичные, напряженные, которые в свою очередь получили отражение в речевых практиках и текстах [15. С. 21]. Изменения, происходящие в социально-политической системе общества, все нововведения и эмоциональное отношение к этим изменениям со стороны общества не могли не оставить следа в документном дискурсе. И если публицистические и художественные тексты этого периода ранее уже выступали объектом исследования [15–19], то корпус документов практически не изучен в этом аспекте.

В связи со сказанным, цель настоящей работы – выявить количественные характеристики лексической организации текста протокола в аспекте отражения исторических событий, происходивших в Томске в послереволюционный период (1918–1933 гг.). Идея о лексическом отражении социальных изменений была неоднократно высказана и убедительно аргументирована в работах таких исследователей, как С.И. Карцевский [19], Л.П. Крысин [20], С.И. Ожегов [21], А.М. Селищев [15], Н.М. Шанский [22].

Методология и методы исследования

В качестве ведущего методологического подхода в работе принимается анализ дискурса, представленный в работах исследователей французской школы, в частности, в определении предмета анализа: «... тексты в полном смысле этого термина: произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [5. С. 27]. Избранный нами в качестве предмета анализа материал полностью соответствует данным требованиям – это корпус текстов протоколов, опубликованных в сборниках документов Государственного архива Томской области (подсерия «Народ и власть») за определенный период¹. Протокол был выбран в качестве эмпирического материала в силу того, что этот документ относится к ряду организационно-распорядительных, создается в соответствии с особыми жанровыми характеристиками, отражающими «структуру коммуникации в этой сфере и деятельность по совместному принятию решений коллегиальным органом или группой работников» [23. С. 104]. «Краткий словарь видов и разновидно-

стей документов» определяет протокол как «документ, содержащий последовательную запись хода обсуждения вопросов и принятия решений на собраниях, совещаниях, конференциях и заседаниях коллегиальных органов» [24. С. 60], что вполне соответствует его «свидетельской» функции. В ходе исследования было проанализировано 126 документов, общее количество словоформ в которых составило более 40 000.

В качестве основного метода был применен автоматизированный контент-анализ, позволивший выявить количественный аспект лексической организации документов. Эффективность применения этого метода (в том числе автоматизированного) показана в работах уже упомянутых исследователей французской школы анализа дискурса [5], более поздних работах зарубежных и российских ученых [25–28].

В ходе анализа была применена следующая процедура.

На первом этапе весь массив документных текстов был переведен в электронный текст формата txt и обработан программой количественного анализа Content Pro (программа распространяется свободно в сети Интернет), были получены значения частотности для каждой лексемы. Полученные данные были доработаны: исключены служебные слова, скорректированы результаты в случае неудовлетворительного грамматического / орфографического оформления. В некоторых случаях были созданы более крупные категории для общей количественной оценки их соотношения с общим объемом массива и определения степени фактографичности. Например, категория «Персоналии» позволила оценить объем антропонимов, категория «Топонимы» – объем маркеров локализации, категория «Годы» – хронологические маркеры.

Далее массив документов был разделен на подмассивы по году создания. Всего было создано 14 файлов документов, так как в массиве не оказалось документов за 1919 и 1926 гг. Каждый из файлов был обработан программой количественного анализа Content Pro, полученные данные были аналогичным образом доработаны. В итоге были сформированы частотные профили лексических единиц для каждого подмассива, что позволило оценить динамику лексической организации документов разных лет. Итоговые данные проинтерпретированы, осуществлен сопоставительный анализ результатов.

Результаты анализа

В результате автоматизированного контент-анализа были выявлены количественные параметры организации лексического состава всего массива исследуемых документов, отражающие различные дискурсивные аспекты. Наиболее частотные результаты представлены в табл. 1.

Как уже говорилось выше, результаты автоматизированной обработки текста были скорректированы в формальном (орфография, лемматизация) и семантическом аспекте (формирование групп на основе семантических категорий). Лексемы были объединены в категории фактографического характера: «Пер-

соналии», «Топонимы», «Год», так как необходимо было установить степень «документальности» исследуемых текстов. Единицы именно этих категорий оказались наиболее частотными в текстах протоколов, что подтвердило высокую степень их фактографичности.

Категория «Персоналии» составляет более 4% от всех словоупотреблений. В нее включены все антропонимы: имена, фамилии, отчества. Ранжирование антропонимических лексем в ее рамках позволило

Таблица 1

Наиболее частотные единицы в полном массиве документов

№	Единицы	Абсолютная частота	Относительная частота
1	«персоналии»	1 338	4,220
2	«топонимы»	483	1,524
3	«годы»	225	0,710
4	протокол	136	0,429
5	постановить	131	0,413
6	работа	192	0,606
7	товарищ	124	0,391
8	слушать	116	0,366
9	время	106	0,334
10	иметь	98	0,309
11	председатель	91	0,287
12	год	84	0,271
13	заседание	85	0,268
14	разверстка	81	0,255
15	член	81	0,255
16	принимать	80	0,252
17	дело	78	0,246
18	выполнить	76	0,240
19	гражданин	75	0,237
20	бедняк	75	0,237
21	томск	71	0,224
22	власть	70	0,224
23	собрание	67	0,211
24	волость	65	0,205
25	говорить	62	0,205
26	район	64	0,202
27	вопрос	61	0,196
28	хозяйство	62	0,196
29	советская	59	0,189
30	колхоз	59	0,186
31	элемент	58	0,183
32	крестьяне	49	0,180
33	дать	56	0,177
34	хлеб	56	0,177
35	стаж	55	0,173
36	меры	53	0,167
37	против	53	0,167
38	партия	52	0,164
39	рабочий	50	0,158
40	арест	50	0,158
41	секретарь	49	0,154

Таблица 2

Личные имена

Личные имена	Частота, %
Александр	0,08
Иван	0,06
Василий	0,06
Григорий	0,05
Петр	0,05
Михаил	0,04
Николай	0,04
Семен	0,02
Борис	0,02

установить, что наиболее часто упоминаются личные имена и фамилии (табл. 2, 3).

Из табл. 2 видно, что наиболее частотные имена, функционирующие в текстах протоколов, демонстрируют очевидный гендерный дисбаланс – в документах практически не представлено женских имен. Это обстоятельство позволяет предположить, что в данный период женщины еще не входили в структуры власти, фактически их позиция в социальной иерархии не изменилась.

Таблица 3

Фамилии

Фамилия	Частота, %
Колчак	0,15
Беленец	0,12
Кузоватов	0,12
Орлов	0,06
Некрасов	0,05
Раузин	0,03
Лыткин	0,02
Ленин	0,02
Бухарин	0,01
Сталин	0,005
Калинин	0,005

Данные о частотности в массиве документов фамилий, представленные в табл. 3, показывают высокую частотность упоминания фамилии (и ее производных) контрреволюционного адмирала *А.В. Колчака*, что, как можно предположить, связано с его военной деятельностью в Сибири. Часто встречается фамилия революционного деятеля, запечатленная в современной топонимике города Томска – председателя губисполкома *Беленца*. Отметим, что частотна также фамилия *Орлов*, фигурирующая в текстах протоколов как дискурсивный маркер – это фамилия секретаря, подписавшего большую часть исследуемых документов.

Однако наряду с часто упоминаемыми фамилиями лидеров революционных преобразований частотны и фамилии личностей, негативная роль которых в социальных событиях обсуждается на заседаниях и, соответственно, фиксируется в текстах протоколов. В частности, к таковым относится фамилия члена сельсовета с. Судженка *Кузоватова* (и членов его семьи), уличенного в укрывательстве хлеба от продразверстки, а также фамилия студента университета, комсомольца *Раузина*, скрывшего при поступлении в вуз свое социальное происхождение.

Отметим, что упоминание революционеров столичного, государственного масштаба единичны. Например, фамилия *В.И. Ленина*, организатора и лидера революции, упомянута только в двух протоколах 1923 г. в связи с его болезнью и осложнением политической ситуации: «Предложить нач. ГОГПУ информировать президиум губкома, каким образом открылось сообщение о болезни т. *Ленина* на настроенные рабочих, крестьян, коммунистов и др., по городу 2 раза в неделю и по губернии 1 раз в неделю» (Протокол закрытого заседания президиума губкома РКП(б) о мерах по повышению авторитета органов ГПУ 18 марта 1923 г.); «Совершенно но. [...] СЛУШАЛИ: Доклад тов. *Строганова* о мерах, какие необходимо предпринять для удержания

в губернии устойчивого политического положения в связи с болезнью тов. **Ленина** и наступлением весенней поры – обычного времени возрождения белогвардейского движения» (Протокол заседания фракции РКП(б) губисполкома о мерах по стабилизации политической ситуации в губернии в связи с болезнью В.И. Ленина 23 марта 1923 г.)

Имя **Н.И. Бухарина** упоминается в протоколе общего собрания ячейки ВКП(б) при Томском окротделе ОГПУ о правом уклоне в ВКП(б) и Коминтерне 11 ноября 1929 г.: «После выхода “Заметок экономиста” меры к **Бухарину** не были приняты потому, что еще меры воздействия на тов. **Бухарина** по поводу его ошибок не были исчерпаны. Сейчас же, видя, что он свои ошибки не оставляет, будут приняты более крупные меры».

И.В. Сталин упомянут единожды в протоколе заседания бюро ячейки РКП(б) Томского государственного университета о мерах по усилению партийного влияния в вузе 15 мая 1925 г. в связи с его письмом к союзной конференции пролетстуда: «Информационный доклад тов. **Федотова**. Какова политика наша в вузе. Объективной предпосылкой к сегодняшнему вопросу мне хочется сделать письмо тов. **Сталина**, которое он адресовал. (Зачитывается письмо)».

Фамилия **М.И. Калинина** употребляется в контексте, связанном с празднованием в татарском селе религиозного праздника: «Из мечети все пошли в старую школу, сняли портреты, плакаты и лозунги, сложили в кучу, часть плакатов и лозунгов была выброшена, портрет т. **Калинина** был испачкан сажей» (№ 113 Выписка из протокола № 20 общего собрания калтайской ячейки ВКП(б) от 10/X – 26 г. с. Юрт-Калтай).

Итак, «антропонимическая картина» свидетельствует о региональном характере фиксируемых протоколом событий и проблем.

Анализ категории «Топонимы» подтверждает региональный характер, отражаемых в исследуемых документных текстах событий, так как топонимы, упоминаемые в документах, региональные. Это, как правило, названия населенных пунктов или образованные от них относительные прилагательные. В табл. 4 представлены наиболее часто встречающиеся в массиве документов топонимы². Мы выделили номинации территорий и населенных пунктов, не имеющих непосредственного отношения к Томской губернии. Как можно убедиться, это не самые частотные единицы.

Следующая выявленная категория объединяет числовые обозначения годов, упоминаемых в исследуемых протоколах. В данную категорию не были включены обозначения точных дат, так как они, как правило, выполняют в тексте документа функцию собственно документную – фиксацию даты создания протокола. Обозначение года обычно связано с указанием на некоторое событие, случившееся в этом году и значимое для настоящего времени составления протокола. Полученные данные представлены в табл. 5. Как можно видеть, в текстах протоколов чаще упоминаются годы, к которым относятся исследуемые тексты (1920, 1921 и под.), но значимая частота встречаемости отмечается также

для обозначений, выходящих далеко за рамки исследуемого временного периода.

Итак, рассмотренные нами категории и единицы, их формирующие, позволяют сделать вывод о таком значимом свойстве исследуемого документа, как фактографичность. Информация, представленная в текстах референтна, носит реалистичный характер, связана с событиями, происходящими с конкретными людьми (революционные и общественные деятели Томска), в определенной местности (Томская губерния и Томск). Однако временные рамки оговариваемых в текстах документов событий шире, чем временной период, к которому относятся анализируемый массив протоколов. Полагаем, что выявленные параметры вполне могут быть отнесены к такой группе параметров, как собственно документные, связанные с маркированием жанровой и дискурсивной принадлежности текста, с указанием коммуникативно-прагматических параметров коммуникации.

Таблица 4

Топонимы	
Населенный пункт	Частота, %
Томск	0,589
Новониколаевск	0,12
Нарым	0,095
Сибирь	0,08
Кольвань	0,07
Анжеро-Судженск	0,06
Варюхино	0,05
Мариинск	0,04
Молчаново	0,035
Москва	0,03
Эушта	0,03
Россия	0,025
Жуково	0,02
Заварзино	0,02
Кривошеино	0,02
Ленинград	0,02
Тайга	0,02
Алтай	0,015
Новосибирск	0,015

Таблица 5

Годы	
Год	Частота, %
1920	0,15
1921	0,09
1918	0,05
1931	0,05
1929	0,04
1930	0,04
1922	0,03
1927	0,02
1886	0,02
1928	0,02
1917	0,02
1919	0,02
1923	0,01
1924	0,01
1912	0,01
1867	0,01
1875	0,01
1880	0,01
1881	0,01
1883	0,01
1885	0,01
1887	0,01
1889	0,01

К этой же группе собственно документных маркеров могут быть отнесены некоторые лексические единицы, номинирующие: тип документа – тип коммуникативной ситуации – *заседание* (0,268%), *собрание* (0,211%), типичные коммуникативные действия – *постановить* (0,413%), *слушать* (0,366%), *принять (решение)* (0,252%), *выполнить* (0,240%), типовые участники коммуникации – *председатель* (0,287%), *член (призидиума, ВКП(б))* (0,255%), *секретарь* (0,154%), типовой локус – *Томск* (0,224%)³. В табл. 1 представлены данные о частотности названных единиц в массиве документов. Полагаем, что такие выявленные особенности, как непоследовательное обозначение места создания документа, разница в упоминании обязательных участников коммуникации (*председатель, секретарь*), связаны с непоследовательным воспроизведением собственно документных параметров, обусловленные ситуацией их становления.

Лексические единицы, не относящиеся к группе собственно документных единиц, можно рассматривать как маркеры историко-культурных параметров данного дискурса. Анализ массива протоколов, представленный в табл. 1, показал, что наиболее частотной в этом аспекте является лексема *работа* и ее производные (0,606%). Контексты показывают, что данная единица, как правило, встречается в значении «общественная / организационная / трудовая деятельность»: «По лесозаготовкам проделана **организационная работа**: уезд разбит на районы во главе с райуполномоченными, волуполномоченными и сельуполномоченными» (Протокол совещания заведующих отделами управления уисполкомов губернии об итогах лесозаготовительной кампании и о выборах в местные советы. 28 февраля 1922 г.).

Второй по частотности единицей является лексема *товарищ* (0,391%), маркирующая новые формы социальных отношений. Функционально близка к ней и

лексема *гражданин* (0,237%), употребляемая реже, но все же входящая в число частотных. Отметим, что названные единицы маркируют новую социальную реальность по принципу «свой – чужой», где социально «свой» – это *товарищ*, а социально «чужой» – *гражданин*: «да и вы, **товарищи**, видите сами, где бы ни было восстание, всегда возглавлялось правыми с.-р.» (Протокол общего собрания Совета рабочих и солдатских депутатов о положении в г. Томске 9 апреля 1918 г.); «*Постановили: С заключением уземотдела о выселении поименованных **граждан** и предоставлении их домов во временное пользование коммуне “Победа” согласиться*» (Протокол № 24 заседания президиума Томского уисполкома о выселении группы крестьян деревни Алаевой и передаче их домов коммуне «Победа» 8 марта 1921 г.). Частотно значимыми единицами, формирующими историко-культурное содержание дискурса, можно считать следующие (указываем в порядке следования, данные о частотности см. в табл. 1): *разверстка, дело, бедняк, власть, хозяйство, советский, колхоз, крестьяне, хлеб, против, партия, рабочий, арест*. Полагаем, что частотность этих единиц отражает основные события, значимые для общественно-политической жизни губернии. Конечно, эти события происходили не одновременно, и в более детализированном виде их отражают данные количественного анализа текстов за каждый отдельный год. Рассмотрим эти результаты далее.

Динамика лексического состава протоколов позволяет проследить отражение событий каждого года. В приведенной ниже табл. 6 представлен первый десяток частотных единиц в подмассивах текстов протоколов по годам. Как представляется, эти количественные данные достаточно наглядно отражают динамику социальных событий и политических действий новой власти.

Таблица 6

Наиболее частотные единицы в подмассивах документов

1918		1920		1921	
разверстка	0,881	разверстка	1,113	налог	0,677
товарищ	0,812	крестьяне	0,601	гражданин	0,492
советский	0,691	выполнить	0,556	сессия	0,461
Томск	0,673	деревня	0,490	член	0,400
крестьяне	0,501	Томск	0,490	милиция	0,400
хлеб	0,501	волость	0,467	работа	0,369
деревня	0,484	товарищ	0,445	губисполком	0,369
член	0,484	хлеб	0,445	уезд	0,369
1920	0,466	советский	0,378	обвинение	0,338
арест	0,466	скот	0,356	дело	0,338
1922		1923		1924	
партия	1,117	партия	1,331	церковь	4,511
налог	0,924	ГПУ	1,082	копи	4,135
убийство	0,770	ссылные	0,749	анжерские	3,383
социалист-революционер	0,770	говорить	0,666	закрыть	3,383
приказ	0,539	место	0,582	рабочие	1,504
революция	0,462	необходимость	0,582	исполком	1,504
дать	0,462	работа	0,582	верующие	1,504
борьба	0,424	попы	0,582	пионеры	1,128
доклад	0,424	меры	0,582	клуб	1,128
работа	0,424	крещение	0,582	требование	1,128

1925	
партия	1,839
комсомол	1,199
профессура	0,959
товарищ	0,879
год	0,799
работа	0,719
университет	0,639
уком	0,560
район	0,560
ссылные	0,480

1927	
научный	1,107
работник	0,984
власть	0,984
советская	0,861
вопрос	0,615
отношение	0,615
газета	0,615
мулла	0,615
иметь	0,492
институт	0,492

1928	
советский	1,312
работа	1,078
стаж	0,937
уволить	0,750
относится	0,609
иметь	0,586
время	0,516
дело	0,492
политика	0,469
враждебный	0,469

1929	
партия	1,639
работа	1,203
чистка	1,152
вопрос	0,640
товарищ	0,538
аппарат	0,512
лишенцы	0,461
права	0,461
ячейка	0,461
советская	0,435

1930	
кулак	1,387
хозяйство	0,890
батрак	0,838
район	0,812
работа	0,681
труд	0,628
сельский	0,628
партия	0,524
РИК	0,471
выселение	0,393

1931	
колхоз	1,030
кулак	0,931
хозяйство	0,892
беднота	0,812
средняк	0,773
работать	0,575
говорить	0,535
держать	0,456
батрак	0,416
хлеб	0,396

1932	
обязать	1,342
зерносовхоз	1,174
хлебоуборочная	1,007
командируемый	1,007
товарищ	1,007
обеспечить	0,839
зарплаты	0,839
организация	0,839
выполнение	0,671
выделить	0,671

1933	
политика	1,248
государство	1,092
организация	0,936
крестьянство	0,780
завершение	0,624
соввласть	0,624
коллективизация	0,624
вооруженный	0,624
население	0,624
народнический	0,624

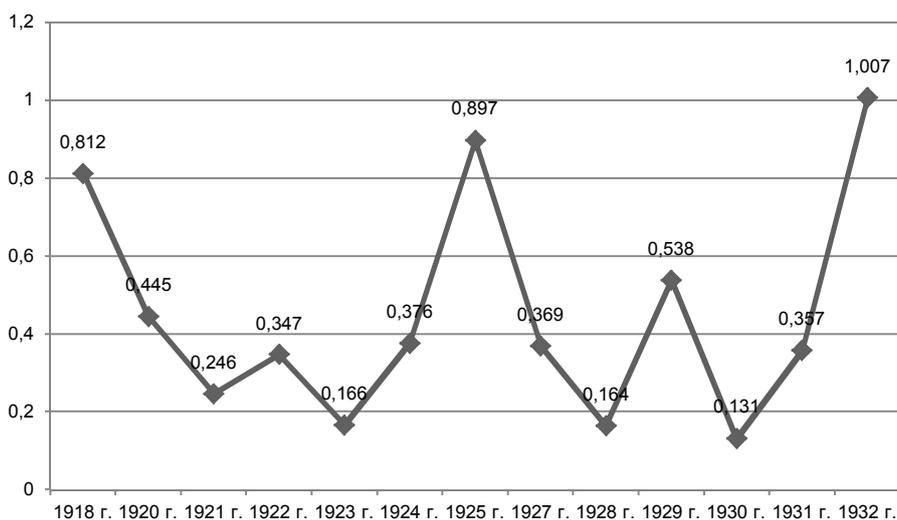

Рис. 1. Распределение лексики *товарищ* в массиве протоколов, % от общего количества словоформ

Итак, как можно убедиться, наиболее частотные лексические единицы отражают политические тенденции и проблемы, решаемые местными органами власти в соответствии с общегосударственным курсом: в 1918–1920 гг. одной из главных обсуждаемых

проблем является продовольственная *разверстка* – задача изъятия сельскохозяйственной продукции у крестьянского населения. В 1921 г. ее сменяет налог, связанный с новой экономической политикой. 1922–1925 – годы партийного строительства и укрепления

РКП(б) в качестве ведущей политической силы, в 1922 г. ее руководителем становится И.В. Сталин. В эти же годы решается вопрос о статусе религиозных институтов и учреждений: православной и мусульманской конфессии в случае с Томской губернией. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) принимается решение о коллективизации. 1929 г. связан с таким социально-политическим явлением, как *чистка* – проверка членов коммунистической партии и государственных служащих на соответствие предъявляемым требованиям, касающимся, в частности, социального происхождения. В текстах 1930–1933 гг. появляется лексика, связанная с коллективизацией сельского хозяйства – образованием *колхозов* и *раскулачиванием* крестьянства.

Таким образом, лексическая организация протоколов определенных лет отражает корреляцию региональных и общегосударственных социально-политических процессов. При этом можно говорить о наличии «сквозных» лексических единиц, актуальных для всего документного массива. К таковым относятся, например, лексема *товарищ*, которая, с одной стороны, встречается во всем корпусе исследуемых документов, с другой – в разные годы частота ее различна (см. рис. 1).

Выводы

Итак, подводя итоги, можно говорить о том, что протокол как документный жанр в полной мере выполняет «свидетельскую» функцию, отражая социальный контекст, в котором он создается.

Анализ количественных параметров лексической организации позволяет установить, что корпус протоколов заседаний различных органов власти Томской губернии 1918–1933 гг. отвечает требованиям к документному дискурсу в целом:

– наиболее частотны в текстах собственно документные маркеры в соответствии с требованием фактографичности: антропонимы, топонимы и обозначение дат;

– аналогичным образом тексты соответствуют и требованию унифицированности языковой структуры протокола – наиболее частотные лексические единицы, номинирующие тип документа, тип коммуникативной ситуации, типичные коммуникативные действия, типовых участников коммуникации и типовой локус.

Таким образом, исследуемые тексты относятся к сфере институциональной коммуникации. Вместе с тем выявленные параметры обнаруживают влияние социального окружения, общественно-политических событий, и эти показатели могут быть отнесены к группе историко-культурных параметров исследуемого дискурса:

– в текстах протоколов доминируют мужские имена, что свидетельствует об очевидном гендерном дисбалансе в обществе исследуемого периода;

– количественный анализ фамилий, функционирующих в исследуемом массиве протоколов, позволяет определить, что наиболее частотными являются фамилии социально-политических деятелей, значимых для данного региона;

– наиболее частотные лексические единицы массива отражают основные события, важные для общественно-политической жизни губернии;

– оценка динамики лексического состава протоколов по годам позволяет выявить корреляцию между политическими и социальными процессами общегосударственного и регионального характера;

– анализ позволил выявить лексические единицы, маркирующие установление нового типа социальных отношений и, в конечном итоге, обозначающие границы временного периода развития документного дискурса в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборники документов и материалов Государственного архива Томской области. URL: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html> (дата обращения: 17.11.2017).

² Отметим сразу, что в данную категорию не включались словоформы лексемы *Томск* в именительном падеже, так как анализ контекстов показал, что эта грамматическая форма употребляется, как правило, в функции собственно документной – при номинации места составления документа, подобные маркеры посчитывались отдельно. В эту категорию включены случаи употребления данной лексемы в информационной части протокола.

³ Здесь зафиксирована частота словоформы «Томск», фигурирующей в собственно документной части протокола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатова Е.Б. Документный дискурс – «нелюбимый ребёнок» русской лингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–1 (24). С. 40–43.
2. Ларьков Н.С. Документоведение : учеб. пособие. Томск : Изд-во ТГУ, 2006. 427 с.
3. Кушнерук С.П. Современный документный текст: создание и исследование. М. : Либерея-Библиоформ, 2009. 192 с.
4. Рогожникова Т.П. История документной лингвистики : учеб. пособие. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2016. 84 с.
5. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Сериио; предисл. Ю.С. Степанова. М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. 416 с.
6. Орлова Н.В. Дискурсивные детерминанты порождения документного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8, № 1. С. 156–163.
7. Орлова Н.В. Доступность современного официально-делового документа: лингвопрагматические аспекты // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 184–192.
8. Орлова Н.В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 188–193.
9. Мишанкина Н.А. Рожнева Ж.А. Юридический дискурс как отражение исторических и ментальных процессов (историко-лингвистический анализ) // Гуманитарная информатика : сб. ст. / под ред. Г.В. Можяевой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. Вып. 1. С. 97–102.

10. Горбань О.А. Особенности выражения субъекта текста в региональных документах XVIII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2–2. С. 356–360.
11. Батырева Л.П. О языке шуйских деловых документов 20–30-х гг. XX в. (протокол одного собрания) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 52–56.
12. Харченко В.К. Язык революции в документах и материалах Петроградского военно-революционного комитета // Селищевские чтения : матер. Междунар. науч. конф., посв. 120-летию со дня рождения А.М. Селищева. Елец, 2005.
13. Рогожникова Т.П. Из истории документной лингвистики: отчет рубежа XIX–XX веков // Язык. Текст. Дискурс : научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2010. Вып. 8. С. 357–363.
14. Черныш О.А. Отражение исторического контекста в структуре и содержании текста документа (на материале текстов протоколов 1917–1933 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 143–147.
15. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стереотип. М. : УРСС, 2003. 247 с.
16. Скворцов Л.И. О языке первых лет Октября // Русская речь. 1987. № 5. С. 9–18.
17. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Исторические процессы в лексике русского языка и в семантической структуре слова (на материале региональной прессы 20–30-х годов XX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (2). С. 128–132.
18. Шипицына Г.М., Мамонова Ю.О. Общий взгляд на лексикон русского языка советского периода // Научные ведомости БелГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235), вып. 30. С. 21–28.
19. Кариевский С.И. Язык, война и революция. Берлин : Русское универсально издательство, 1923. 72 с.
20. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М. : Издательский центр «Академия», 2007. 240 с.
21. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. М. : Высш. шк., 1974. 352 с.
22. Шанский Н.М. Лексика и фразеология современного русского языка : пособие для студентов-заочников. М. : Учпедгиз, 1957. 168 с.
23. Организация работы с документами : учебник / под ред. проф. В.А. Кудряева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2002. 592 с.
24. Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974. 80 с.
25. Broom L., Reece S. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis // The Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 19, № 1. P. 5–19.
26. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Корона Эдиториал УРСС, 2001. С. 252–281.
27. Можаяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник ТГУ. Сер. «Литературоведение и языкознание». 2007. № 294. С. 52–61.
28. Мишанкина Н.А., Зильберман Н.Н. Восточнославянские языки в рефлексии наивного носителя языка (контент-аналитическое исследование коммуникации Интернет-сообществ) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 78–98. DOI: 10.17223/18572685/48/7

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 июня 2018 г.

LEXICAL ORGANIZATION OF THE RECORD IN A DISCURSIVE ASPECT (ON THE BASIS OF RECORDS OF 1918–1933)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 30–39.

DOI: 10.17223/15617793/434/4

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Olga A. Chernysh, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernyshoa@tpu.ru

Keywords: document discourse; record; lexical organization of discourse; discursive parameters; content analysis; historical and cultural context.

The aim of the work is to reveal the quantitative characteristics of the lexical organization of the text of the record in the aspect of reflecting historical events that took place in Tomsk in the post-revolutionary period (1918–1933). Despite its significant role in providing of official communications, the documentary text has occupied attention of linguists since not so long ago. As part of traditional research directions, functional classification of texts has been carried out, general design parameters have been revealed, basic properties have been described. At the same time, texts show tendencies that are contrary to the properties described, which has prompted the emergence of new research projects within the framework of discursive and cognitive directions. In this connection, a special interest is the study of documentary discourse in the historical aspect, since works in this direction are few. Discourse analysis is accepted as the leading methodological approach in the work. The main method is automated content analysis, which allowed to reveal the quantitative aspect of the lexical organization of documents. The material of the analysis is an array of texts of records / extracts from records from the collections of documents of the State Archive of Tomsk Oblast (subseries “People and Power”) from 1918 to 1933, which includes 126 documents. The total number of word forms in these documents is more than 40,000. The research revealed that the record, as a documentary genre, fully fulfills the “witness” function, reflecting the social context in which it is created. The analysis of quantitative parameters established that the array of records of meetings of various authorities of Tomsk Province dated by 1918–1933 meets the requirements for documentary discourse in general: (1) the most frequent are document markers in accordance with the requirement of factography: anthroponyms, toponyms and the designation of dates; (2) the texts correspond to the requirement of unification – the most frequent are lexical units denoting the type of document, situations, typical communicative actions, typical participants and locus. In other words, the texts under study refer to the sphere of institutional communication. However, the revealed parameters show the influence of the social context: (1) male names dominate in the texts, which indicates an obvious gender imbalance in the society of the period under study; (2) surnames that function in the texts of the records allow to identify socially and politically important figures relevant to the region; (3) the most frequent lexical units reflect the main events that are significant for the social and political life of the province; (4) estimation of the dynamics of the vocabulary of the records arranged by years allows to identify the relationship between political and social processes of national and regional nature; 5) lexical units have been revealed that mark the establishment of a new type of social relations and, ultimately, denote the boundaries of the time period for the development of documentary discourse as a whole.

REFERENCES

1. Bogatova, E.B. (2013) Dokumentnyy diskurs – “nelyubimiy rebenok” russkoy lingvistiki [Document discourse – an “unloved child” of Russian linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Issues of theory and practice*. 6–1(24). pp. 40–43.
2. Lar'kov, N.S. (2006) *Dokumentovedenie* [Records management]. Tomsk: Tomsk State University.

3. Kushneruk, S.P. (2009) *Sovremennyy dokumentnyy tekst: sozdanie i issledovanie* [Modern document text: creation and research]. Moscow: Libereya-Bibinform.
4. Rogozhnikova, T.P. (2016) *Istoriya dokumentnoy lingvistiki* [History of document linguistics]. Omsk: Omsk State University.
5. Seriot, P. (ed.) (1999) *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola diskurs-analiza* [Quadrature of sense: French school of discourse analysis]. Moscow: Progress.
6. Orlova, N.V. (2013) Diskursivnye determinanty porozhdeniya dokumentnogo teksta [Discursive determinants of document generation]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti – Theoretical and Applied Aspects of Speech Activity Study*. 1. pp. 156–163.
7. Orlova, N.V. (2014a) Dostupnost' sovremennogo ofitsial'no-delovogo dokumenta: lingvopragmaticheskie aspekty [Accessibility of a contemporary official document: linguopragmatic aspects]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University*. 3 (19). pp. 184–192.
8. Orlova, N.V. (2014b) Modalnost' i tonalnost' sovremennykh dokumentov s predpisyvayushchey funktsiei [Modality and tonality of contemporary documents with prescriptive function]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4 (74). pp. 188–193.
9. Mishankina, N.A. & Rozhneva, Zh.A. (2004) Yuridicheskiy diskurs kak otrazhenie istoricheskikh i mental'nykh protsessov (istoriko-lingvisticheskiy analiz) [Juridical discourse as reflection of historical and mental processes (historical and linguistic analysis)]. *Gumanitarnaya informatika – Humanitarian Informatics*. 1. pp. 97–102.
10. Gorban', O.A. (2015) Osobennosti vyrazheniya sub'ekta teksta v regional'nykh dokumentakh XVIII veka [Expression of the subject of the text in the regional documents of the 18th century]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2–2. pp. 356–360.
11. Batyeva, L.P. (2008) O yazyke shuyskikh delovykh dokumentov 20–30kh godov XX veka (protokol odnogo sobraniya) [About the language of Shuya administration documents of the 1920s–1930s (record of one meeting)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Scientific Notes of Orel State University*. 1. pp. 52–56.
12. Kharchenko, V.K. (2005) [The language of the Revolution in the documents and materials of the Petrograd Military Revolutionary Committee]. *Selishchevskie chteniya* [Selishchev Readings]. Proceedings of the International Conference on the 120th anniversary of birth of A.M. Selishchev. Elets: Elets State University. (In Russian).
13. Rogozhnikova, T.P. (2010) Iz istorii dokumentnoy lingvistiki: otchet rubezha XIX–XX vekov [From the history of document linguistics: a report of the turn of the 20th century]. *Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyy almanakh stavropolskogo otdeleniya RALK*. 8. pp. 357–363.
14. Chernysh, O.A. (2018) Reflection of the historical context in the structure and content of the text (on the basis of the records dated by 1917–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (191). pp. 143–147. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-143-147
15. Selishchev, A.M. (2003) *Yazyk revoliutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniya nad russkim yazykom (1917–1926)* [The language of the revolutionary epoch. Based on observation of the Russian language]. Moscow: URSS.
16. Skvortsov, L.I. (1987) O yazyke pervykh let Oktyabrya [About the language of the first years of October]. *Russkaya rech*. 5. pp. 9–18.
17. Logunova, N.V. & Mazitova, L.L. (2013) Istoricheskie protsessy v leksike russkogo yazyka i v semanticheskoy strukture slova (na materiale regional'noy pressy 20-kh – 30-kh godov 20 veka) [Historical processes in the vocabulary of the Russian language and in the semantic structure of the word (on the material of the regional press of the 1920s–1930s)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 6(2). pp. 128–132.
18. Shipitsina, G.M. & Mamonova, Yu.O. (2016) Obshchiy vzglyad na leksikon russkogo yazyka sovet'skogo perioda [General view of the lexicon of the Russian language of the Soviet period]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Belgorod State University Scientific Bulletin*. 14 (235). pp. 21–28.
19. Kartsevskiy, S.I. (1923) *Yazyk, vojna i revolyutsia* [Language, war and revolution]. Berlin: Russkoe universal'noe izdatel'stvo.
20. Krysin, L.P. (2007) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksicheskaya semantika. Leksikologiya. Frazzeologiya. Leksikografiya* [Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography]. Moscow: Akademiya.
21. Ozhegov, S.I. (1974) *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech]. Moscow: Vysshaya shkola.
22. Shanskiy, N.M. (1957) *Leksika i frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Vocabulary and phraseology of the modern Russian language]. Moscow: Uchpedgiz.
23. Kudryaev, V.A. (2002) *Organizatsiya raboty s dokumentami* [Organization of work with documents]. Moscow: INFRA-M.
24. Yankovaya, V.F. (ed.) (1974) *Kratkiy slovar vidov i raznovidnostey dokumentov* [Concise dictionary of document types and varieties]. Moscow: Glavarkhiv VNIIDAD.
25. Broom, L. & Reece, S. (1995) Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*. 19(1). pp. 5–19.
26. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow: Korona Editorial URSS.
27. Mozhaeva, G.V. & Mishankina, N.A. (2007) Content analysis of historiographical source (revisiting the interdisciplinarity of linguistic methods). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 52–61. (In Russian).
28. Mishankina, N.A. & Zil'berman, N.N. (2017) East Slavic languages in the reflexion of a naive native speaker (content-analytical study of the social networks communication). *Rusin*. 2 (48). pp. 78–98. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/7

Received: 11 June 2018